

Владимир МАЛЫХ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДОВ Г. КОРОЛЁВА

С альпинизмом у меня было не совсем всё гладко. И в институте, и потом, когда я уже работал на заводе и бывал в командировках на полигоне, всегда старался руководствоваться принципом «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт!». Но кое-кто из нашей семьи всё же был причастен, хоть с краю гор, но около альпинизма! Да я и сам был очарован горами ещё в детском возрасте.

Осенью 1940 года папа получил свой первый отпуск, и мама уговорила его поехать в гости к своим сёстрам на Кавказ. Мне было уже девять лет, а мама родня не видела ни меня, ни папы (а он в это время был уже красным командиром в звании майор). Да и родни в то время насчитывалось, наверное, не менее двадцати человек! Маме нужно было всем представить своего мужа, чтобы родственники убедились, что её выбор сделан правильно. Это же Кавказ!

Орджоникидзе, 1940 год

Самые яркие воспоминания у меня остались от вокзала в городе Орджоникидзе, куда мы приехали московским поездом. Вокзал был похож на какой-то сказочный замок, весь окрашенный белой краской, с башенками и большими окнами. Он возвышался над широкой

стоящей пальмой (до этого я видел пальмы только на рисунках!) на перроне. Мы всей толпой побежали пить воду, а вода «Нарзан» действительно была очень вкусная! Вот так я впервые познакомился со своими двоюродными братьями и сестрой!

Это сейчас я их называю «мальчишки»! А это были мои взрослые двоюродные братья и сестра: Казбек и Вера, дети тётки Кати (старшей сестры моей мамы) и Олег с Игорем, сыновья средней сестры тётки Оли. Причём, Казбек и Олег уже оканчивали техникум и должны были поступать работать. Сестра Вера готовилась на следующий год поступать в медицинский институт. Так что «мальчишки» — это понятие относительное, разницу в возрасте в десяток лет не будем считать! Братья и сестра сразу втянули меня в свою компанию, не обращая внимания на эту разницу. Они приняли меня как равного!

Кавказское гостеприимство

Когда мы все вышли из вокзала, на площади стояли две или три пролётки, в которые нас разместили не без хлопот, и мы поехали по проспекту этого удивительного, красочного города. По тротуарам ходили люди, одетые в красивые белые одежды. Двери магазинов были открыты, везде что-то было выставлено на продажу, в некоторых играла музыка. Весь проспект был засажен большими деревьями, и мы ехали, как будто по аллее в лесу. В конце проспекта повернули налево, в небольшую улочку. Мне тогда показалось, что она своим концом упирается прямо в гору. Остановились у большого кирпичного одноэтажного дома, ворота во двор были открыты, и нас уже встречали. Папе сразу же поднесли рог с вином, но он тогда совершенно не брал в рот ни водки, ни вина и стал отказываться. Тут тётка Катя, как самая старшая, подошла к нему и стала говорить, что в таких случаях по обычаю горцев нельзя отказываться. Ведь это от всего сердца! Папа взял рог и пригубил, но, видимо, он не знал, как надо пить из рога, вино вылилось ему на грудь гимнастёрки, что вызвало восторг у окружаю-

Памятник альпинисту Е.М. Абалакову на Новодевичьем кладбище, Москва.

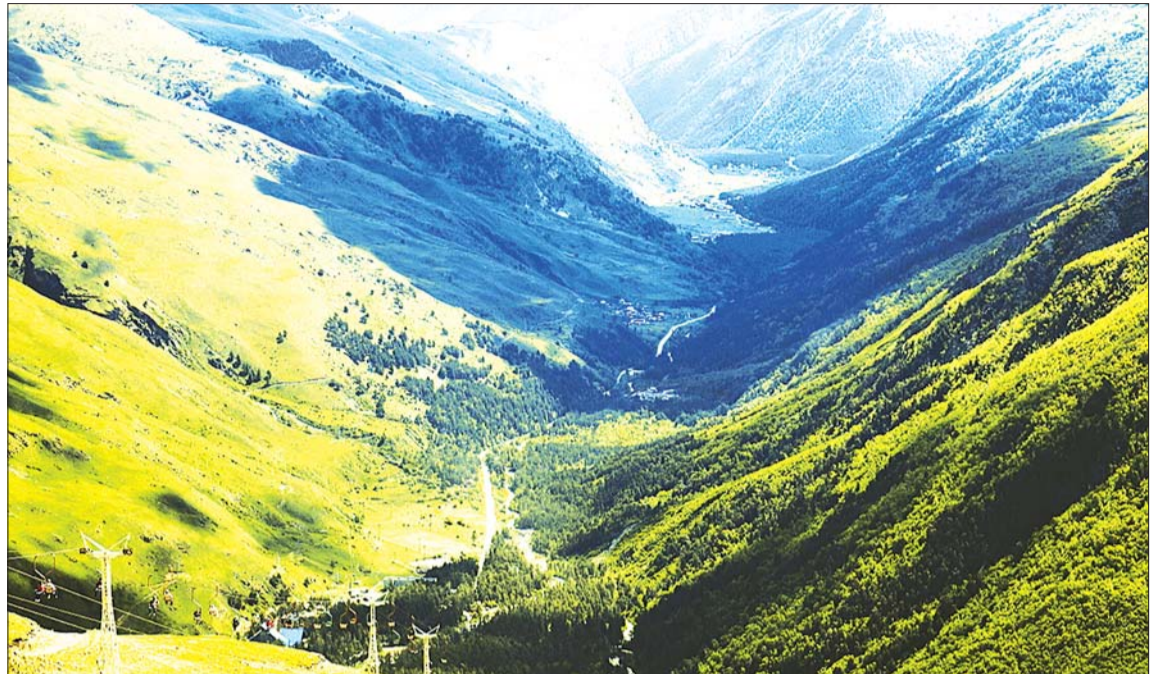
платформой на фоне гор Кавказского хребта. Вокруг деревья в зелени и клумбы, на которых цвели какие-то необыкновенные цветы. Мы приехали утром, и горы были освещены ярким утренним солнцем. Это создавало эффект театральной обстановки, как будто бы всё это происходило на огромной сцене, а горы были её задником! Стояла ранняя осень, и пассажиров — отдыхающих было мало. Зато наше семейство резко выделялось на этом фоне. Среди встречающих мне в глаза сразу же бросились два пожилых кавказца в одежде мне незнакомой. Чёрные черкески, подпоясанные какими-то необыкновенными поясами, украшенными блестящими насечками, в красивых, обтягивающих ноги сапожках, а самое главное — в шапках. Аксакалы подошли к папе, очень церемонно с ним поздоровались, расцеловались, и только после этого остальные женщины и дети гурьбой бросились ко мне и маме. Мужчины снисходительно отошли в сторону и начали неторопливо расспрашивать о чём-то папу. Я сразу же попал в руки группы мальчишек, которую возглавляла невысокая девчонка, по-видимому, она верховодила всеми этими ребятами. Все они были старше меня и тут же с криком «Мама, мы пошли пить газировку!» потянули меня к тележке, которая стояла под на-

Значок «Альпинист СССР» первой и второй степени.

ших. Его сразу же повели в дом, переодели в такую же, как у всех мужчин, чёрную рубашку и подпоясанную таким же красивым

Подвиг советских

Вид на Баксанское ущелье с верхней площадки канатного подъёмника (современное фото).

ремешком, который я сразу же начал рассматривать. Конечно, за стол нас, молодёжь, не посадили, да и женщины присаживались за стол, только когда кто-либо из мужчин звал их. Это меня и удивило, у нас такого не было. Стали приходить соседи, за столом уже не было свободного места, и каждый проходящий подходил к папе, произносил тост и обязательно выпивал с ним бокал вина. Я теперь думаю, что тётка Катя подливала папе в бокал какой-нибудь сок, иначе он бы не выдержал. Конечно, он, как красный командир, был в центре внимания. И я видел, что Казбек очень хотел с ним поговорить.

Наконец, мы всей гурьбой как-то незаметно исчезли из двора. Ребятам не терпелось показать мне город, похвастаться своими делами. А похвалиться было чем. Город напоминал сказку! Я уже говорил, что улица, на которой стоял наш дом, одним своим концом упиралась в гору (как потом я узнал, что это была Столовая гора), а с другой стороны выходила на Чугунный мост над рекой. Горная река шумела под мостом. Река, долина, улицы и опять кругом зелень и цветы. Как это было непохоже на то, что было в Муроме, где мы жили в то время. Теперь я понял, почему там везде, где только было можно, мама рассаживала цветы! С моста долина реки была хорошо видна и вверх, и вниз по течению. А над городом стояли горы; днём в безоблачном небе их было видно очень хорошо: Казбек и Эльбрус. Я как зачарованный всё время старался по-

— да как в то время мне было всё это запомнить!

Молодёжь — в горы!

Конечно, лучше всех о горах рассказывал Казбек. Это он впервые мне назвал фамилию альпиниста Евгения Абалакова. Он говорил о нём с таким восхищением, что, может быть, поэтому я до сих пор помню имена знаменитых альпинистов — братьев Абалаковых.

Оказалось, что в городе существовало юношеское объединение, где учили ребят ходить в горы, и преподавал там кто-то из учеников самого Евгения Абалакова. Казбек учился в этой группе и уже сам водил в горы экскурсантов. Он даже показал мне рюкзак Абалакова, который он

постарше была возможность заработать денежку, что особенно было важно для тех, кто не имел какой-нибудь специальности.

Оказывается, Казбек уже ходил с группами туристов, но с альпинистами его ещё не пускали. И я думаю, что он хотел поговорить с папой, чтобы он помог ему поступить в эту альпинистскую школу имени РККА.

Сабля

За всё время пребывания в Орджоникидзе наша семья пользовалась огромным успехом. Папа всегда был в центре внимания не только у нас во дворе, но и у соседей. Поэтому нам приходилось ездить по гостям. Меня взяли только один раз, это в Минеральные Во-

Наша справка

Евгений Михайлович Абалаков (1907–1948) — заслуженный мастер спорта по альпинизму. В 1934 году на Памире покорил пик Сталина (7495 м). В годы Великой Отечественной войны принимал участие в обороне Кавказа. Совершил восхождения на более чем 50 высокогорных вершин. Проводил научные исследования хребтов и ледников Памира и Тянь-Шаня.

Виталий Михайлович Абалаков (1906–1986) — заслуженный мастер спорта по альпинизму. Покорил пик Ленина на Памире (7134 м) и пик Победы на Тянь-Шане (7439 м).

Им приписывают создание удобного туристического рюкзака («абалаковский рюкзак»).

обменял у какого-то иностранного туриста, и значок «Альпинист СССР». Надо сказать, что если в других городах Советского Союза на каждом углу висели плакаты, призывающие молодёжь в авиацию, то здесь в городе были плакаты, на которых изображены альпинисты в красивой белой форме с разными альпинистскими принадлежностями на фоне гор.

В городе было очень много приезжих альпинистов и просто туристов, особенно иностранцев. Поэтому большинство молодёжи стремилось попасть в эти альпинистские школы, а особенно славилась альпинистская школа имени РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия). Ребята постарше ещё с весны договаривались с группами туристов и сопровождали их. Туристы приезжали со всего СССР и из других стран (особенно много было немецких групп).

Представьте, что за сезон на Эльбрус поднималось до двух тысяч альпинистов. Поэтому у ребят

ды, к тётке Оле. В другие места меня не брали — ещё маленький. Помню, взрослые ездили в Георгиевск, в Нальчик и даже в какой-то аул в Баксанском ущелье.

Читатель, наверно, удивлён тем, что я так подробно описываю национальные традиции Кавказа. Дело в том, что мои тётки (тётка Катя и тётка Оля) были замужем за осетинами, причём муж тётки Кати был родом из известного в старой Осетии рода Коченовых, мужчины которого обязательно служили в полку, который охранял царскую семью. Как-то раз Казбек, когда в доме никого не было, показал мне старинную саблю, которая висела на стене в комнате тётки Кати. Помню, что она была очень тяжёлой, и я не смог её вынуть из ножен. Тогда Казбек вынул её, и я увидел там какую-то надпись. Это была дарственная надпись, но от кого — не помню, а сейчас установить невозможно. Уже в первые дни Великой Отечественной войны сабля была реквизирована как холодное оружие!